

Феномен социальной реальности

Прагматизм современной общественной жизни принес с собой множество далеко не самых положительных перемен. В частности, он сделал не только научную, но и естественнонаучную (не говоря уже о философской) проблематику не столь значимой по сравнению с экономикой, текущей политикой, биржевыми курсами валют и спекулятивными операциями мировых банков. Такое положение вещей не может продолжаться долго, не становясь тормозом общественного прогресса, ибо отодвигает на задний план не только духовное, но и материальное производство как основу всего прогресса.

Со времен Сократа человек становится центральной философской проблемой и остается таковой до наших дней. Автор рассматривает эту проблему в контексте более широкой темы — темы *социальной реальности*, неотъемлемой составной частью которой человек стал вместе с обществом. Общество и вся социальная реальность — способ человеческого бытия, который с учетом его отличительных черт становится *сверхбытием* по сравнению с бытием природным. Поэтому следовало бы обратить более пристальное внимание на человека и всю социальную реальность с точки зрения специфических особенностей их бытия.

В отличие от природы, которая, похоже, достигла предела в своем развитии к моменту появления человека на Земле, социальная реальность, по всей видимости, таких пределов не знает. Человек пугающе неограничен в своих способностях развивать окружающий мир и развиваться самому.

Где границы его развития и пределы его творчества? Их нет. Он *беспределен и безграничен* в своих возможностях — прежде всего возможностях творчества, основанных на познании и практике. «Три кита», на которых базируются особенности человеческого бытия, давая ему право называться *сверхбытием*, — это чувственность, рационализм и креативность (включающая практику преобразования действительности). Именно они позволяют сравнить человека с джинном, вырвавшимся из природного сосуда и совершающего волшебные превращения мира.

Если в основе всех временных процессов лежит процесс обновления, то креативная функция общества «переводит» исторический процесс

ПЕРНАЦКИЙ Виктор Иванович — профессор, доктор философских наук (Нижний Новгород).

Ключевые слова: природа, человек, общество, социальная реальность, социогенез, политогенез, социальная дифференциация, социальное неравенство, homo sapiens.

в иные, по сравнению с природными — временные координаты. В связи с этим развитие с участием человека заметно ускоряется.

У истоков социальной реальности

Природная эволюция подвела к началу человеческой истории. Явилась ли эта история продолжением природных процессов? Видимо, да. Но сама она природной уже не была. Человек, а значит и общество, природными образованиями назвать уже трудно. У них свои, отличные от природных, механизмы существования и развития, своя организация и формы бытия, имеющие *надприродный*, социальный характер.

Вопрос этот не праздный и касается сущности природы и социума, а также перехода от одного к другому. О том, что это подразумевает переход *от одной реальности к другой*, свидетельствует смена всех парадигм развития. Так, одной из парадигм природной жизни служит *приспособление всего живого* к окружающей среде. Напротив, в социально-историческом процессе это уже *приспособление человекам природной среды* к своим потребностям. Для этого нужны совершенно иные механизмы и средства, иные способы жизнедеятельности, доступные лишь человеку: труд, познание и многое другое, чего нет и быть не может на природном этапе развития.

Природа «выдохлась и выложила» на этапе формирования животного предка человека и подготовки последующей за этим человеческой истории. Но сама эта история была уже делом другого субъекта, которым стал (должен был стать) сам человек. Осталось лишь выяснить: являлся ли человек при этом природным существом, ведь его предка создавала все-таки природа?

Органическая теория¹ отвечает на этот вопрос положительно. Ответ этот согласуется с распространенным предрассудком, согласно которому животные и люди ничем принципиально не отличаются друг от друга, разве что уровнем развития в рамках все той же природной эволюции. Продолжением и приложением такой точки зрения можно считать приписываемый человеку «биосоциальный» или «социально-биологический» статус.

Сложность вопроса в том, что социальное и биологическое действительно присутствуют в человеке, но составляют при этом *иерархию*, в которой сам человек как личность находится на верхнем, надстроечном этаже, а биологическая основа остается на нижнем, природном уровне. Различать эти уровни необходимо, ибо все попытки найти и выделить социальное (то есть специфически человеческое) качество в биологических структурах и функциях человеческого организма не увенчались (а теперь ясно: никогда не увенчаются) успехом. Такие попытки представляют собой заурядный редукционизм, то есть сведение высшего (в данном случае социального) к низшему, биологическому уровню. *Нет и не может быть социального качества в биологическом, как нет биологического в физическом.*

Социальность есть *наивысший уровень материальной организации*, воплощенный в человеке и обществе и выросший из природно-

¹ Органическая теория — почти общепринятое обозначение биологизаторской точки зрения на развитие человека и общества, наиболее характерная для прошлого и современного позитивизма.

биологических форм, созданных природной эволюцией. Человек и общество в буквальном смысле этого слова «вышли из природы», то есть оставили ее позади, образуя при этом иной, надприродный вид реальности, названный *социумом*. Именно этот, социально-философский взгляд на человека выражен Марксом в формулировке: сущность человека есть «совокупность всех общественных отношений». Можно было бы после этого утверждать, что сущность человека — в обществе, если бы она не трансформировалась при этом в интеллект самого человека, вернее — в его личностное начало, имеющее общественный характер. Показательно, что научное определение сущности общества является в точности таким же, как и определение сущности человека, то есть содержит указание на *совокупность всех общественных отношений*.

Личность и общество не имеют аналогов в природе. Они являются исключительно *аналогами друг друга*. Феномен социальности воплощен в них обоим и представлен общественными отношениями. А все попытки биологизировать их вызваны недооценкой специфики и своеобразия социального феномена, в корне отличающегося от всей остальной, в том числе живой, материи.

Из всех природных объектов живая материя действительно находится ближе всех к социальной реальности. Но и она — плохой ее аналог, хотя и является *высшей формой природного движения*. Даже наиболее сложноорганизованные «дети природы», высшие животные, остаются за пределами реальности социальной, вне системы общественных отношений, даже если живут рядом с человеком. Социальная реальность остается для них недоступной, а расстояние, отделяющее их от этой реальности, — непреодолимым.

В основе отношений, образующих общество, лежит трудовой процесс, в ходе которого складываются эти отношения (точнее говоря, *материальные производственные отношения*). Эти отношения играют особую роль в формировании общества. Источником и основой социальной реальности является труд, который «создал, — по словам Ф. Энгельса, — самого человека». Слова эти можно взять эпиграфом к теме «Феномен социальной реальности». При этом можно сказать, перефразируя Энгельса, что труд создал и само общество.

Упомянутые *производственные отношения* составляют *социально-экономический базис* общества. Остальное в *структуре* общества относится к *надстройке*². Существует также еще общественная инфраструктура. Это не принадлежащие социальной реальности, но смежные с ней структурные и вещественные образования — например созданный человеком предметный мир, не совсем правильно именуемый «второй природой». Впрочем, «второй природой» можно назвать относящиеся к этой предметной области флору и фауну, существующие «рядом» с человеком как результат его селекционно-биологической и хозяйственной деятельности.

² Кроме того, существует еще и так называемый *производственно-технический базис*. Но он напрямую к структуре общества не относится.

В то же время железные дороги, фабрики и заводы, машины и оборудование едва ли подходят под определение «второй природы». Аналогов или генетических корней у этих и множества других искусственно созданных предметов в природе нет. Большинство из них — это средства производства или производительные силы общества, тот производственно-технический базис общества, на который опирается социальная реальность и который является ее платформой, возвышающей эту реальность над природной средой.

На самом деле эта реальность начинается с *социально-экономического базиса* — совокупности всех материальных производственных отношений, которые складываются в обществе как результат и предпосылка коллективной трудовой деятельности. Труд изначально коллективен. Даже индивидуальная трудовая деятельность носит, по существу, коллективный характер, поскольку предполагает участие множества людей в процессах, делающих индивидуальный труд возможным. Топор дровосека, перо, бумага и язык писателя, все технологии индивидуальной трудовой деятельности создаются обществом и передаются от поколения к поколению, от человека к человеку, от учителя к ученику.

Уже в орудиях труда — поскольку эти орудия не существуют в готовом виде, а должны быть созданы людьми, — воплощаются в скрытом и свернутом виде трудовые (производственные) отношения их создателей. Такое воплощение есть везде, начиная с простейших и до сложнейших современных орудий.

По орудиям труда мы судим о системе производственных отношений в обществе людей, их создавших. Это значит, что в зашифрованном, «опредмеченном» виде производственные отношения воплощаются в производительных силах общества, выросших из орудий труда первобытного человека.

* * *

С разделением труда и появлением профессионального умственного труда производственные отношения усложнились настолько, что базис и надстройка утратили четкие границы, а материальное общественное бытие частично слилось с нематериальным общественным сознанием. Произошло это на основе сближения и слияния материального и духовного производства.

В духовном производстве, будь то художественно-культурная или инженерно-техническая работа, или сфера научного познания, — везде, как и в производстве материальном, решающее значение имеют орудия труда. *Труд — это всегда орудийная деятельность.* В духовной сфере это верно так же, как и в материальной, что позволяет расширить смысловое значение формулы Энгельса «труд начинается с производства орудий труда» и распространить ее на интеллектуальную сферу.

Чем же тогда являются орудия этой деятельности? *С самого начала таким орудием служит язык*, создание которого начинается с началом человеческой истории, а совершенствование продолжается и сейчас. Кроме разговорного и литературного это множество специализированных, как и само духовное творчество, языков — например музы-

кальный. Подчеркнем еще раз: *язык — орудие духовного производства*, которого нет и быть не может в природе, за пределами социальной реальности.

Сама эта реальность, в отличие от природы, *дуалистична*: она не только материальна, но и духовна. В основе как одного, так и другого лежит *система общественных отношений*, образующая «ткань» социальной реальности в целом, а также по отдельности — материальной и духовной составляющих. Развитие этих отношений — а значит, и самого общества (социальной реальности), — внутренне связано с развитием орудий труда, средств материального и духовного производства. В языке даже лучше, чем в орудиях материальной производственной сферы, представлена коллективность как система общественных отношений, ибо язык, будучи орудием индивидуального мышления, по определению коллективен. Его коммуникативная функция столь же важна, как и мыслительная. А поскольку индивидуальное сознание есть не что иное, как мышление, то сознание отдельного индивида тоже в сущности своей коллективно.

Выходит, тождество индивидуального и коллективного, личностного и общественного в духовной сфере даже более наглядно и очевидно, чем в материальной. И все же индивидуальное и общественное сознание — не одно и то же. Разница между ними в том же, в чем разница между отдельным человеком и обществом. Система духовных (идеологических) отношений, которой принадлежит язык, связывающая сознание отдельных людей в единое целое, составляет «ткань» той новой, по сравнению с индивидуальным сознанием, духовной реальности, которую мы называем *общественным сознанием*.

В отличие от индивидуального, общественное сознание не привязано к мозгу мыслящего человека. Его непосредственной материальной основой становится не мозг как таковой, а общественное бытие. Это прежде всего материальный трудовой процесс, в ходе которого складываются материальные производственные отношения, лежащие в основе всех общественных отношений, образующих общество.

К сказанному ранее о труде добавим, что он значительно расширяет границы реальности, созданные эволюцией природы. Эта реальность «создавалась» миллионы лет. И если сегодня в религиозной догматике природную эволюцию относят к «промыслу божьему», то это мало что меняет в ее нынешнем статусе. И как природный, и как божественный продукт эта реальность представляет собой бесконечно разнообразный, но застывший и неизменный в качественном своем состоянии и измерении материальный мир. Судя по тому, что мы сегодня знаем о дочеловеческом мире, он почти остановился в своем развитии на путях биологического совершенствования и качественного роста флоры и фауны, не говоря уже о неживом веществе. Остановился, создав наиболее совершенное из живых существ, предшествовавших человеку, — его животного предка. Животное это по ошибке было названо «*homo sapiens*», но фактически еще не было человеком, тем более — человеком «разумным». Главное, в чем состояло его отличие от всех остальных животных, — это способность встать на тот путь, который привел его к превращению в человека.

Наибольшая трудность — в понимании того, как организм животного превращался в организм человека, когда еще не сложились основные навыки и стереотипы трудовой деятельности. Единственное предположение при объяснении такого перехода состоит в том, что, начиная *приспосабливать* с помощью простейшего труда окружающую природу, животный предок человека продолжал *приспосабливаться*, но теперь уже к труду, совершенствуя тем самым и свою трудовую деятельность, и себя самого. Если это так, то рука человека, это «орудие орудий» труда (равно как и мозг), стали результатом такой приспособительной деятельности.

Следует поэтому уточнить, что в дальнейшем речь идет о приспособлении *homo sapiens* к множеству новейших видов трудовой деятельности, все более связанных с деятельностью интеллектуальной. Характерная для животного и предка человека *приспособительная* к окружающей природной среде деятельность постепенно превращалась в деятельность *приспособляющую*. Лишь вследствие этого морфологические и физиологические изменения в организме начавшего трудиться человеческого предка имели результатом современную универсальную приспособленность сформировавшегося человека к труду.

Рука человека, это «орудие орудий» трудовой деятельности, и мозг приспособившегося к труду человека (это был уже действительно *homo sapiens*) — главный и последний результат эволюции приспособления. Далее последовала *приспособляющая* деятельность человека. Вот как писал об этом Ф. Энгельс: «Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство человека расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства». И далее: «...объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным»³.

Приспособление к труду — наивысшая из приспособительных способностей, достигнутая предком человека, в отличие от всего остального животного мира. Это *первый и исходный пункт движения, ведущего к новой, социальной реальности, и последний*, завершающий этап эволюционно-природного развития, исчерпывающий возможности этого развития, возможности природы. «Рука, таким образом, — отмечает Ф. Энгельс, — является не только органом труда, *она также и продукт его*»⁴.

Если эволюционная теория Дарвина в чем-то и ошибочна, так это в трактовке пограничного перехода от обезьяны к человеку. Этот переход не является эволюционно-природным. Он связан с глубоким качественным превращением природной реальности в *надприродный* социальный феномен, с *восхождением* от низшего к высшему. С появлением человека эволюция природы заканчивается, а развитие материального мира продолжается начавшейся человеческой историей уже на другом «этаже», на более высоком уровне и в совершенно иных формах.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 20. С. 489.

⁴ Там же. С. 488.

* * *

Природное бытие на вещественном уровне мы еще понимаем. Неживая материя, а также живая — флора и фауна, ее составляющие с четко обозначенными границами и, как нам кажется, с более или менее определенным содержанием. Есть трудности в понимании природных вещей на границах познания. Но это понятный, приемлемый и объяснимый факт.

Однако вопрос о том, что такое *социальная реальность*, во многом остается открытым.

Приспособление к труду — наивысшая из приспособительных способностей, достигнутая предком человека, в отличие от всего остального животного мира. Это *первый и исходный пункт движения, ведущего к новой, социальной реальности, и последний, завершающий этап эволюционно-природного развития, исчерпывающий возможности этого развития, возможности природы.*

Проблема состоит в особенностях того бытия, частью которого являемся мы сами. Скорее всего человек и общество — не часть, а составляющие, исчерпывающие почти весь феномен социальности его, и мы вынуждены судить о нем «изнутри» в надежде на наличие аналога этого феномена где-нибудь в другом уголке Вселенной. Пока, однако, мы с ним не знакомы и вынуждены формировать представление о таком аналоге самих себя без особых надежд на контакты и общение с разумными существами в ближайшем будущем.

Остается *интроспектива* — познавательная процедура, весьма затруднительная и мало разработанная, но, увы, неизбежная при существующем положении вещей. А раз так, то придется по ходу дела рассматривать и саму эту процедуру на предмет ее эффективности. В этой работе исходным пунктом должно послужить сократовское «познай самого себя». Процесс этот идет уже давно, идет с переменным успехом и результатами. Последние пока не позволяют составить четкого представления о социальной реальности в сфере сознания и самопознания.

После разрушения античной культуры монополистом в трактовке человека (и самой социальной реальности) стала религия. Человек предстал в ее интерпретации как «раб божий» и сделался им на самом деле на целое тысячелетие, вплоть до начала эпохи Возрождения. Понятно, что в этой роли его сущность могла проявить себя лишь в извращенном виде. Человек по совету Сократа взглянул внутрь самого себя и увидел там бога, испугался и стал рабом этого бога, то есть рабом самого себя. Это была первоначальная форма освоения человеком своей собствен-

ной сущности, о которой значительно позже будет сказано: «Каждый человек сам себе бог». Однако в условиях рабства этим богом для него долгое время оставался другой человек. Рабство — альтернатива и продукт религиозного синдрома. Если есть бог, должны быть и его рабы, поскольку обе эти противоположности — стороны одной и той же сущности, состоящей в духовном родстве раба и господина.

Корни этой сущности — в социальной реальности, состоящей в отношениях господства и подчинения. Божество — концентрированное выражение совокупности таких общественных отношений, иерархия которых гипертрофирует возвышение одного и уничижение другого человека. К сказанному надо добавить сократовские идеи о единобожии.

Между прочим, судьбы Сократа и Христа весьма схожи. И тот, и другой были казнены за свои взгляды, от которых они не стали отказываться и еще более усилили их своей смертью. Сократ едва ли не первый ввел в предмет философии учение о человеке («досократики» видели в этом предмете лишь природу, развивали главным образом натуралистические взгляды). Сократом же (скорее интуитивно, чем осознанно) человек был выведен за пределы природной реальности и помещен в начавшую обозначать себя реальность социальную.

Между тем эта реальность, хотя и в мифологической форме, являлась предметом языческих религий. Возможно, правильнее сказать, что это был античный атеизм наивно-антропологического свойства, когда все боги жили, как люди, вели земной образ жизни, женились, рожали детей, враждовали, интриговали т. п. При этом каждой сфере социальной реальности соответствовал свой бог, так что вся жизнь людей на земле оказывалась «под присмотром» и «покровительством» свыше. Человек создал бога по своему образу и подобию; но уже древние римляне отправили своих богов на небо и сделали тем самым важный шаг к созданию монотеистической религии.

Возвращаясь к античному язычеству, отметим, что эта религия была к тому же исторически первоначальной (мифологической) формой социального познания и самопознания, где боги составляли своеобразную социальную общность и вели себя так, как должны были вести себя люди того времени. Религия и мифы, боги и люди слились в античном представлении о прошлом и настоящем — как сказка и реальность в детском сознании. Это было раннее детство европейской цивилизации, когда недавнее прошлое (по историческим меркам), родовой строй, еще не могло быть осмыслено в научных категориях и в лучшем случае существовало как эмпирический факт. О том, что такое осмысление уже началось, свидетельствуют социальные проекты Платона, схожие с современными представлениями о первобытном коммунизме.

В любом случае в этих проектах уже можно обнаружить появление исторической памяти, когда ушедшие в прошлое родовой строй и первобытная община становятся материалом для конструирования будущего. Прошлое и будущее могут встретиться и впервые встречаются в настоящем, если это настоящее — духовная составляющая социальной

реальности достаточно высокого цивилизационного уровня, впервые достигнутого древними греками.

Более ранние, деспотические цивилизации не оставили нам свидетельств на этот счет. Можно предположить, что таковых не существовало вообще. Как не было того, что можно было бы считать началом научно-философского познания. Тем более не могло быть познания социально-философского, которое и в Древней Греции вполне определенно начинается лишь с Сократа. В досократовский период социальное познание (если оно вообще существовало) могло проявиться лишь в религиозно-мифологической или софистической форме. Скорее всего это были лишь предпосылки того, что стало реальностью во взглядах Сократа, а затем Платона.

Если это так, то феномен социальной реальности как таковой начал осознаваться с сократовского «познай самого себя» и «я знаю, что ничего не знаю». С учетом сократовского скептицизма по поводу натурфилософского и всего позитивного знания в обеих установках можно увидеть явный антропологический акцент. В первом случае это очевидно, поскольку речь идет о самопознании. Во втором случае мы видим, что, как и всякое познание, самопознание вынуждено начинать с пункта, который стал «знанием о незнании». «Но другие не знают и этого», а потому остаются за пределами познавательного процесса, не достигнув его первого пункта.

Пока предметом познания оставался объективный природный мир, сочетание знания и незнания имело чисто гносеологическое звучание. Теперь же в сократовском «я знаю, что ничего не знаю» выделилось социально-философское звучание, в рамках которого, кроме того, кому принадлежит «знание о незнании», подразумевались и другие люди, которые «не знают и этого». Термин «другие» указывает на общечеловеческую сущность сократовского «Я» и тем самым обозначает социальный статус его суждения.

Характерно, что в познавательной процедуре, рассматриваемой Сократом, присутствует не только его «Я», но и другие «Я», что значительно раздвинуло панораму познавательного процесса, сделало его коллективным. С учетом диалектики этой процедуры (знание тождественно незнанию) можно сказать, что это обстоятельство подчеркивает еще одну особенность (черту) социальной реальности: *личность и общество черпывают эту реальность*, если не выделять в ней и не рассматривать отдельно *систему (совокупность) всех общественных отношений*, связывающих эти две стороны социального целого, воплощаясь по-своему в каждой из них.

Система вообще не фиксируется (и, очевидно, не существует) отдельно от предметов, совокупность которых она составляет. Она есть лишь *определенный порядок вещей*, благодаря которому складывается сама целостность. Она же формирует и качественную определенность этой целостности, отличая ее от составляющих ее элементов.

Особую роль эти количественно-качественные превращения играют в социуме, где благодаря меняющейся системе общественных отношений

не только рождается новое общество, но и формируется новый тип человека как порождение и воплощение этой новой целостности. Разнообразии и богатстве общественных отношений несравненно больше того, что существует в природе. Совокупный результат этих отношений — *общество и человек*, то есть социальная реальность как таковая, превосходящая все созданное до этого природой и в этом смысле представляющая собой феномен, не имеющий на Земле аналога или эквивалента.

* * *

Общественные отношения, образующие общество, уникальны, как и само это общество. Будучи материальным в своей основе, они не вещественны, что затрудняет их понимание и рассмотрение. Не воспринимаемые чувственно, не измеряемые физически, они, как человек-невидимка, оставляют лишь следы, по которым мы можем косвенно судить об их существовании и ролях, которые они исполняют в жизни общества. Мы можем также иметь дело с последствиями их «работы» в разных сферах общественной жизни, поскольку она протекает с участием человека.

Начиная свой анализ экономических отношений в «Капитале», К. Маркс приводит как пример таких отношений «стоимость», которую, как он пишет, не за что «ущипнуть», в отличие от всем известной вдовицы Квикли. «Стоимость» — это типичный пример экономических, то есть материальных, отношений в обществе, не имеющих даже отдаленного аналога в природе. В обществе же, в отличие от последней, такой аналог (назовем его «измеритель») существует. Им являются деньги, воплощенные в материально-вещественную форму. В природе экономических отношений, а стало быть, и стоимости, быть не может. Животный мир не знает этих отношений, ибо это *общественные отношения*.

Значительная часть общественных отношений, а именно — производственные (трудовые) отношения, носит функциональный характер и может лишь «опредмечиваться» (по другому: «овеществляться») или «распредмечиваться», воплощаясь в результаты человеческого труда, или снова принимать невещественный, функциональный характер.

Таким образом, материальность социальной реальности — новое для классической философии социально-философское понятие, означающее, как и в общей философии, *объективность*, а значит — независимость от человека и его сознания производственных отношений. Чтобы трудиться, люди вступают в эти отношения, которые воплощаются затем в результатах труда, овеществляются и в таком виде присутствуют во всех вещах, сотворенных человеческой рукой. Эти вещи окружают жизнь человека и составляют необходимое условие человеческого существования, становясь продолжением его разума и чувств. Поскольку они вырабатываются в нужных человеку объемах и формах, постольку служат звеньями технологических процессов в материальном производстве. А потому тоже становятся «концентрированным выражением» человеческих отношений в окружающем нас, искусственно созданном предметном мире, ставшем частью нашего внеприродного бытия.

Даже в предельном случае, сделавшись «робинзоном», живя отдельно от общества и в отрыве от цивилизации, человек вынужден поддерживать свое человеческое (в сущности своей внеприродное) существование, используя для этого минимум доступных ему форм и норм человеческой жизни. А для этого он должен, обустроивая свою жизнь, применить весь доступный ему человеческий опыт и использовать предметы домашнего обихода, сотворенные другими людьми. Или, напротив, лишенный такой возможности и выпав из системы общественных отношений с их материально-предметной инфраструктурой, «робинзон» неизбежно деградирует и распадается как личность, перестав быть принадлежностью социальной реальности и клеткой «общественной субстанции». Стало быть, не только «маугли» и «тарзанов», но и «робинзонов» в собственном смысле этого слова, в отличие от литературных героев, нет и быть не может.

Искусственно созданные предметы, окружающие человека, включают не только неживую материю, но флору и фауну. Культурное творчество человека в этой сфере существенно изменяет и дополняет все созданное в этой области природой без участия человека. Не всегда это участие позитивно, нередко результат оказывается отрицательным. Это прежде всего уничтоженные человеком виды растительного и животного мира. В какой-то степени «компенсацией» этому служат созданные с помощью селекции, а теперь и генетической модификации новые формы биологической жизни. Их можно назвать «второй природой»: в отличие от естественного они имеют *искусственное* происхождение. Впрочем, в подобных случаях правильнее было бы говорить о «совместном» творчестве человека и природы.

Сегодня почти все сельское хозяйство основывается на выведенных человеком и приспособленных к его потребностям «культурных» сортах и видах живых организмов. В этой сфере особенно заметна созидательная составляющая в отношении человека к живой природе. Природа выступает в сельском хозяйстве партнером человека, «трудится» вместе с ним. А человек «привязан» к природе так, что еще не возвышается над ней подобно тому, как это имеет место в промышленном производстве. Этим определяется и характер производственных отношений в сельскохозяйственной деятельности.

Этим и сегодня отличается организация общественной жизни сельского и городского типа друг от друга. Но отличия эти имеют исторический характер. Урбанизация привела к качественным сдвигам не только в образе жизни, но во всем жизнеустройстве, и стало быть — к радикальной перестройке всех общественных отношений. Итоговым результатом ее стало современное общество, в котором город играет ведущую роль. С появлением городов природа начала выводиться из общественных отношений как непременный их соучастник. Речь, конечно, идет не столько о природе в целом, сколько о земле, которая в период становления человека служила главным средством производства и важнейшим посредником в отношениях людей друг с другом в трудовом процессе. В этот период отношения их диктовались в решающей степени простым

обстоятельством: равные в природном отношении люди были равны и социально — насколько можно говорить о социальности в первобытном обществе.

С зарождением городов начался процесс оттеснения деревни на задний план общественного бытия. Урбанизация коренным образом изменила ситуацию в сфере общественных отношений. Уйдя за городские стены и утратив непосредственную связь с природой и землей, люди должны были изменить и свой образ жизни. А вместе с ним должен был измениться и характер трудовой деятельности, включая общественные (прежде всего трудовые, производственные) отношения.

Одновременно обитатели городов заняли привилегированное положение в отношении тех, кто остался за городской стеной и продолжал жить и трудиться на земле. Это было едва ли не первое социальное возвышение одной общности людей над другой. Привилегия жить за городскими стенами и быть защищенным от набегов и грабежей со стороны враждебных племен повысила статус первых обитателей новых социальных образований, ставших прообразами будущих городов.

В этих образованиях стала складываться *иерархия* в построении общественных отношений, где начали появляться и все более явно обозначаться *выше и ниже* лежащие слои обитающих в этом обществе людей. Этому способствовало усложнение новых видов трудовой деятельности, прежде всего ремесленничества. Здесь впервые уже не природа (растения и животные), а сам человек стал определять и задавать содержание трудовых операций. Так что, если труд, как гласит классическая формула, начинается с производства орудий труда, то новый труд должен был начаться с создания новых средств трудовой деятельности, не связанных напрямую с сельским хозяйством.

Пока преобладал ручной труд, человек — главная производительная сила общества — был привязан к труду так, что вместе со средствами производства сначала принадлежал общине, а затем стал принадлежать собственнику этих средств. Так что, если частная собственность — плод городской культуры, то и рабство — тоже. Быть может, и даже скорее всего, первой частной собственностью (на средства производства) была собственность на раба.

Вследствие урбанизации труд остался уделом сельского жителя и сделался обязанностью раба. Изменившиеся трудовые отношения привели к отношениям господства и подчинения, то есть к иерархии в отношениях общественных. Вместо отношения к природе, делавшего людей равными, определяющей этих отношений стало *неравенство* в их отношении друг к другу, которое дополнило и продолжило отношение господства и подчинения между городом и деревней.

* * *

Корни рабовладельческого общества — в родовом строе. Тем не менее в натурально-чистом виде рабство появилось значительно позже. Но происходил раб от обезличенного члена общины, который, как и раб, не обладал (и не должен был обладать) личностными свойствами.

Не удивительно поэтому, что на смену распавшемуся родовому строю пришел рабовладельческий строй. Более того, рабовладельчество продолжилось и распространилось и на более поздний период феодализма, воплотившись в крепостном праве.

В России крепостное право задержалось благодаря сохранившейся общине, которая так же, как род и племя, поглощает и нивелирует личность. Конечно, это не первобытная, а трудовая, производственная община. Выработываемые ею коллективистские черты отчасти действительно напоминают рабскую психологию и стереотипы поведения, на чем «споткнулись» в своих оценках российского менталитета многие русофилы, не говоря уже о русофобах. Но коллективистская природа общинной трудовой деятельности имеет и другую сторону. Она близка к общественному характеру современного производства и жестко противостоит частной форме присвоения, что породило в общинной психологии устойчивую неприязнь к частной собственности на средства производства.

В советские времена крестьянская община приняла колхозно-совхозную форму и распространила свое влияние на городской уклад жизни и трудовой деятельности, особенно в малых и средних городах России. Этим стали заметно определяться цивилизационные особенности и черты всего российского общества, в отличие от общества западноевропейского типа. Исключение составили лишь большие города. Но и они не избежали влияния общероссийского антибуржуазного менталитета, отличаясь от всего российского общества лишь степенью своего евразийства в отношении к буржуазному европеизму. Впрочем, опасность углубления этих различий и связанных с этим социальных противоречий остается.

Цивилизационные особенности буржуазной Европы и гипербуржуазной Америки (США) таковы, что соответствующая их уровню исторического развития социальная реальность радикально отличается от социальной реальности российского общества. В основе той и другой лежат во многом различающиеся ценности. При всей их схожести различия эти носят принципиальный и потому неустранимый характер, порождая политические, по сути цивилизационные противоречия. В чем же они состоят?

Водораздел проходит в сфере отношений *личности и общества*. Со времени античности гуманистическое направление цивилизационного развития, основателем которого можно считать Сократа, претерпело значительные трансформации. К настоящему времени сложились две противоположные доктрины практикуемого гуманизма: *коллективистский* и *индивидуалистический*. Этому соответствуют две столь же противоположные и непримиримые идеологии, имеющие свои преимущества и недостатки, обнаруживаемые при сопоставлении их друг с другом. Такое сопоставление и сравнение в явной и неявной форме происходит постоянно, определяя в немалой степени содержание цивилизационной борьбы.

Ведущей сферой этой борьбы сегодня является сфера *политическая*. Политические измерения современной социальной реальности, быть

может, лучше других позволяют судить об отличиях этой реальности от природной. Впрочем, столь же значимы и измерения экономические, культурные, нравственно-эстетические, юридические и многие другие, не применимые к природе и природным процессам.

Иерархическое построение современного социума начинается «снизу» экономикой и завершается «вверху» политикой и идеологией. Такая структурность, в отличие от природной, делает социальную реальность новым, надприродным образованием при отсутствии естественных аналогов и предпосылок. При всем том преемственность между ними все же должна существовать. Правда, пока неясно, в чем она конкретно заключается.

В природе тоже существует собственная организация, и даже собственная иерархия. Это прежде всего неживая и живая материя, состоящие друг с другом в соотношении «выше—ниже». Последняя тоже содержит множество иерархично связанных между собой и стоящих на разных ступенях эволюционной лестницы видов, подвидов, отрядов и других подразделений и структурных единиц. В иерархичных отношениях между собой состоят также растительный и животный миры. Но то, что мы видим в социальной организации, не имеет никакой связи с природой.

Несколько позже, говоря о *человеке*, мы попытаемся найти и измерить эту связь через его организм, который ошибочно было бы отрывать от природы. Что касается другой ипостаси социальной реальности — *общества*, то здесь еще более очевидно, что у него, вопреки органической теории, нет ничего общего с природой. Какая связь между политикой и онтогенезом? У общества мы можем взять для сопоставления с природой юриспруденцию, религию и т. д., но они не сопоставимы с РНК и ДНК точно так же, как политика и филогенез.

Политика лучше других воплощает собой структурную иерархию социальной реальности. Она «выше» и в этом смысле «важнее» и «влиятельнее» всех иных составляющих общественную организацию. Сама организация эта есть не что иное, как «вертикальная» структура, в которой есть «выше» и «ниже» лежащие элементы и слои, состоящие в соподчинении друг с другом. Государство занимает верхние этажи такой структуры, распространяя свое влияние на все этажи и уровни «сверху донизу», включая экономическую, социальную, а также гражданскую сферы.

При всех сложностях и трудностях наглядной трактовки такого предмета, как *общественные отношения*, наибольшее затруднение вызывает «вертикальная» составляющая этих отношений. Это отношения между «выше» и «ниже» лежащими элементами (слоями, общностями и отдельными личностями). Эти элементы образуют иерархию, где в отличие от *координации* («горизонтальных» отношений) преобладает *субординация*, (отношения «по вертикали»), предельным случаем для которой становятся отношения *господства и подчинения*.

Типичным примером отношений субординации служат уставные отношения в армии, где права и обязанности регламентируются зва-

ниями и должностями и определяются строгой дисциплиной, обеспечивающей ее целостность и боеспособность. Столь же характерным примером, но противоположного свойства, являются отношения координации. Это отношения между родственниками, коллегами по работе, друзьями, знакомыми. Гражданское общество — атрибутивное основание социальной реальности — не выстроено, подобно политической системе, в многоуровневую иерархию, которая нуждается в регулировке взаимоотношений его разного уровня слоев. Это общество можно сравнить с баней: все равны, а звания и должности остаются вместе с одеждой в государственном гардеробе, где на время как бы утрачивают свои полномочия. Здесь иные регуляторы отношений, главным из которых является *мораль*. При этом под моралью понимаются обычные общепринятые нормы поведения и отношений между людьми, не подлежащие юридической регламентации. Это, к примеру, обычная вежливость, порядочность, стыд, совесть, сочувствие, сострадание.

Собственно говоря, социальная реальность ничего другого собой не представляет, кроме людей, образующих общество, и общества, определенным образом составленного из людей, если не считать систему общественных отношений, связывающих этих людей и образующих тем самым общественную целостность.

* * *

Подходя все ближе к пониманию того, что обозначает категория «социальная реальность», мы выяснили ее происхождение и ознакомились с содержанием, приблизившись к раскрытию сущности этого явления.

Аналоги социальной реальности существуют, но они находятся «внутри», а не «вне» этой реальности. Чтобы лучше понять это, необходимо уточнить границы предмета. Границы социальной реальности определяются тем, что это, прежде всего, само *общество и люди*, его составляющие. К этой реальности относят еще *систему* (совокупность) отношений, образующих общество из суммы составляющих его людей. Целое (общество) отличается от элементов, то есть отдельных индивидов, его составляющих. Превращение суммы в целостность происходит при посредстве системы общественных отношений, придающей социальной реальности *структурный* характер. Структура эта в свою очередь распадается на экономические (производственные), социальные и идеологические (духовные) отношения, которые становятся наиболее крупными подразделениями общественного целого.

Рассмотрение многообразных структурных и функциональных связей внутри социальной реальности впереди. Пока же обратим внимание на одну, но самую значимую и содержательную из этих связей, имеющих к тому же аналоговое значение. Это связь и отношения между личностью и обществом. Будучи *живым* существом, человек еще отнюдь не является существом *разумным*, носителем разума, а значит — и не может быть признан человеком в строгом смысле этого слова. Тем самым ставится под сомнение и правомерность отнесения термина «человек разумный» к биологическому виду, который как часть природного

мира, вопреки органической теории, не может быть ни тем, ни другим. И «человечность», и «разумность» в этом *homo sapiens* выступают лишь как потенции, которые вполне могут и не реализоваться. И эта отрицательная возможность, поскольку она тоже, увы, существует, подчеркивает отнюдь не автоматический, не запрограммированный генетически процесс превращения человеческого ребенка в человеческую личность в процессе взросления.

Обязательный акт становления каждой человеческой личности — «второе рождение»⁵, одно из характерных проявлений социальной реальности в ее отношении к природе. Ведь «первое» рождение человека — все же *природное* рождение, которое есть всего лишь переход из небытия в природное бытие. Поэтому в строгом смысле этого слова «человеческим» рождением оно стать не может, но предпосылкой, «первым шагом» в этом направлении все же становится.

«Первое рождение» объединяет человеческое существо со всем природным миром, ибо оно детерминировано природой, хотя и может подлежать человеческому контролю. При этом для всех живых существ (кроме человека) первое рождение является *единственным и последним*. Продолжением его становится естественный жизненный процесс, в котором онтогенез воспроизводит основные стадии предшествующего филогенеза, а завершением — воспроизводство и продолжение жизни в последующих поколениях. Но в этих программах и процедурах их реализации нет ничего социального.

Совсем иначе осуществляется бытие социальное. Это бытие *надстраивается* над природно-биологическим и осуществляется на его основе, но по другим законам. Законы эти становятся *ведущими*, определяющими по отношению к биологической основе человеческого бытия. Таким образом, это бытие, то есть весь человеческий организм, функционирует под влиянием и контролем социального фактора. ◆

(Продолжение следует)

⁵ «Второе рождение» — по мнению автора, акт становления человека после природного («первого») рождения каждого ребенка, который, вопреки распространенным в органической теории предрассудкам, не имеет никакого отношения к биологии, а является результатом воздействия общества через посредство семьи, ближайшего окружения и в конце концов — социума как такового.